

Молодецкий курган*

В Жигулевских горах атаманят ветра,
А лесную тропу сторожит мошкара.

Но ведут на вершину чабрец и полынь —
И в глаза не вмещается волжская синь.

О пристанище-вольница буйным богам!
Дай примерить твой шлем, Молодецкий курган!

Эту гордую реку ты выгнул дугой,
Эти камни под Стенькиной были ногой.

Эти русские волны, послушно дружны,
По-персидски расшили накидку княжны...

Там, где Волге в подмогу впадает Уса,
Поднимают утесы свои паруса.

Города и деревни поют вдалеке
О великой реке, о Самарской Луке.

Только Девья гора не поднимет лица —
Уронила чело на плечо Молодца.

И впечатаетшь в память гряды за грядой,
И Лепешку запьешь родниковой водой.

И, не вытерев капель с горячей губы,
Обернешься на зов Жигулевской Трубы.

---

* Молодецкий курган, Девья гора, Лепешка — названия гор в Жигулях; Жигулевская Труба — залив и одноименный овраг.

На триста десятом — в Зеленую зону...

На триста десятом — в Зеленую зону,
Где бродят стадами дубы, как бизоны,
И где от рождения сосны-сестрицы
По русским шелкам вышивать мастерицы,
Где тычется мордочкой рыжий осинник
В лазурное блюдо с каемочкой синей
И, глядя за Волгу на многие тыщи,
Всегда на коне неумный Татищев.

Не здесь ли, в скрижалях зеленого шара,
За землю сшибались до неба пожары?
И ахали сосны, хватаясь за выи,
И с ревом валялись дубы вековые,
И, тщетно спасаясь от лапищ пожара,
Босые березы бежали, бежали...

На триста десятом — в Зеленую зону...
Печальнее не было в жизни сезона:
Считайте — сухие шевелятся губы —
Кресты из сосны и надгробья из дуба.
Но их, вековые следы пепелища,
Не видит смотрящий за Волгу Татищев.
О если бы, если б татищевский бог
Тогда обернулся — и нас уберег...

Прибалтика

Я помню, поезд плыл морозной ночью...
Студенческая братия Самары,
точнее, Куйбышева, сессию окончив,
вперед состав веселый разгоняла.
В Москве мы день гуляли по Арбату
(и где ты ныне, фантик эскимо?),
да так, что от сапог ушла подошва —
я новые себе купила в ГУМе.

Куратор, седовласая еврейка,
везла своих девчонок поклониться
святыням Минска, Бреста и Хатыни —
остались в памяти обугленные стены,
и колокол, и каменные слезы...

Но нас ждала Прибалтика — кусочек
другого мира, странного немного,
звучащего нелепо, но прекрасно,
как узких улочек готический мотив.

И Каунас, и Клайпеда, и Рига
сплелись в моем сознании, подобно
трем стрелкам потревоженных часов,
когда заходишь в лавку антиквара.
Казалось бы — уже ушло их время,
но шестеренки крутятся в тебе.

Два белых лебедя, похожих на скульптуры,
царящих в темных водах зазеркалья
в короне белоснежных берегов.
Музей Чюрлениса, и музыка, и волны,
симфония воздушных пузырьков,
зеленое, слоистое, чудное...

Другой музей — название я помню,
но называть не хочется, поскольку
просила мама словом не играть,
а дедушка подшучивал над ними
и рисовал, бывало, на газете
их морды, и копыта, и рога...

Летающие высокие ворота
(за петушком ли золотым на шпиле?) —
и Домский ригорический собор,
где я орган услышала впервые,
держась за восхищенные колонны...

...И узких улочек готический мотив...

Ветрами просоленная Паланга,
следящая холодными глазами
за Эгле, королевою ужей.
Так ветрено, что бронзовое платье
готово улететь из рук ее...

Балтийский берег Куршского залива —
заснеженное тусклое светило
боится, видно, выпустить лучи:
не разбудить бы море ненароком.
На берегу напрасно мы искали
осколки золотого янтаря —
конечно, он давно уже разобран
неисчислимым полчищем туристов...
Зато мы увозили в пухлых сумках
чудесный прибалтийский трикотаж
и посвященных после узнавали
по их жакетам, юбкам и платкам...

Но был еще и старый добрый Вильнюс,
ведь только здесь могла бы я увидеть
величественный маятник Фуко,

непогрешимодвигающий в лузы
тяжелый шар, сияющий, как солнце,
над мраморным песочным циферблатом.

...Легко и точно двигаются стрелки
старинных потревоженных часов.
Казалось бы — уже ушло их время,
но шестеренки крутятся в тебе...

Если кровь твоя — керосин...

*Облака керосином жгут,
полыхает бумага писчая —
как же сильно меня там ждут,
что ожогами лишь я жив еще.*

Эдуард Учуаров

Если кровь твоя — керосин,
значит, дело мое — табак,
потому что для сердца сил
не останется без тебя.

Не расскажут чужие рты,
да и мне холмы высоки,
что же с роста двух метров ты
видишь в той стороне строки.

Удержат ли тебя, атлант,
опечаленный на весну?
Чем весомее дан талант,
тем труднее жить на весу.

Даже если шагнешь с листа,
там, пожалуйста, не грусти:
упаду на твой пьедестал,
не позволю его снести.

Слово, соловушко, соловей,
теплое гнездышко в сердце свей,
звонкое серебро оброни,
черного ворона прогони.

Черная птица реченым днем,
страшно крича, залетела в дом.
И, превращая уют в бедлам,
эхо металось по всем углам.

Не избежать их, впрочем:
Осени не отсрочить —
Черная лапа ночи
Листья сминает в ком.

И понесет легко их
Мимо соломин полых,
Мимо деревьев голых,
С запада на восток...

Боже, не оприходуй,
Чтобы сквозь зимний холод,
С новой весны приходом
Свежим влететь листом!

3

Радость отметилась кратко —
Другая гостя вошла:
Мантию с конфедераткой
Армейский сменил бушлат.

Снимок на фоне танка —
И воин чуть-чуть суров —
Где-то на озере Ханка,
За семь часовых поясов.

Берцы уже не тугие —
Крещен через кровь пацан...
А были войска другие —
По клетчатым шли плацам.

Пока приморские дали
Из ниточек вяжут жгут,
Шахматные медали
Владельца по струнке ждут.

Горлица

Прибиралась в горнице,
Тихо щебеча,
Но таила горлица
В горлышке печаль.

Думушка былинная,
А работа — быть:
Сдула бы пылиночки —
Вытираю пыль.

Что по доскам босая —
Рана не страшна,
А саднит занозою
Горлинки душа.

Трепетная веточка,
Хрупкий стебелек,
Если б только весточку
Ты подал, сынок.

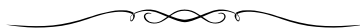
Имена

Ивану Данилову*

Да, мы любимся дерзкими,
которые здесь и сейчас,
которые с возраста детского
тянут на силача.
Отмеченные медалями
и звездами всех мастей,
которые зажигали мы
от искры на бересте.

Но будет что на поверку,
когда отгорит, отойдет
прекрасными фейерверками
украшенный небосвод?
Какою горькою пылью
осядут их имена
на творческом изобилье
во всякие времена?

Хоть я не из той породы —
мне ближе упрямый труд,
я знаю, славные годы
сами меня найдут.
Между любовью и болью,
где-то на склоне лет,
звезды крупною солью
лягут на мой хлеб.

---

* Данилов Иван (1941–2010) — яркий казанский поэт-шестидесятник, автор книг «Завязь» (1966) и «Птица долгой зимы» (2015).